

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2022.94.30.025

Гегель в произведениях Достоевского (на примере произведения «Преступление и наказание»)

Хвощевская Ирина Валерьевна

Директор,
Центр опережающей профессиональной подготовки,
173008, Российская Федерация, Великий Новгород,
ул. Б. Санкт-Петербургская, 161;
e-mail: copp53@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор анализирует произведения Ф.М. Достоевского, с позиции философии Гегеля, делая акцент, на проблемах, актуальных до сих пор в современном обществе. Особое значение имеет то, что автор показывает значение патриотического воспитания в современном обществе, именно через произведение Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Полученные результаты теоретического исследования, позволяют сделать вывод, что Достоевский использовал гегелевскую философию, чтобы создать персонажа, который терпит неудачу, так как Достоевский опасался, что русские радикалы могут потерпеть неудачу. Кроме того, автор показывает, что персонаж Раскольникова иллюстрирует боязнь Достоевского перед народом, чьи амбиции не уравновешивались нравственной основой христианства, представляя Раскольникова, как агента левого гегельянства, созданного, чтобы показать, как человек с сильными моральными целями может принимать неправильные решения без правильной этической структуры. Автор делает основополагающий вывод, что Достоевский использовал философию Георга Гегеля по историческим и контекстуальным причинам, что было ясным решением из-за истории Достоевского и ясно установлено в контексте данного произведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Хвощевская И.В. Гегель в произведениях Достоевского (на примере произведения «Преступление и наказание») // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 3А. С. 186-194. DOI: 10.34670/AR.2022.94.30.025

Ключевые слова

Философия, философия Гегеля, нравственность, мораль, общество.

Введение

В современном мире все более актуально востребовано становится рассмотрение различных аспектов нашей жизни с позиции философии. И здесь мы можем обратиться к философии Г. Гегеля, который писал в своем произведении «Философия истории», о том, что героев мы можем отнести к великим людям, способным продвинуть телеологический или прогрессивный мир, привнося в него идею, которая одновременно является уникальной и лучшей для своего времени. Гегель относил этих людей к Героям, в их ряды он включал таких людей, как Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт и Александр Македонский [Гегель, 1959].

Общая часть

Наше теоретическое исследование обращено к рассмотрению проблемы, затронутой Гегелем и активно обсуждаемой и до сегодняшнего времени, это различия между Героями и мирскими людьми. Приземленная группа людей стремится создать и обезопасить сообщество для достижения своих собственных целей, которые обычно включают в себя акцент на комфорте. Кроме того, эти люди работают над построением гармонии, установлением постоянства и в целом соблюдением правил, данных им их предшественниками. Это не роль Героев. По Гегелю, Герои вдохновляют и осуществляют радикальный сдвиг в обществе в тот период, с которым они связаны. Часто в значительной степени не осознавая своего влияния на общество, они действуют для собственной выгоды, как и обычные люди, но с другими целями. Герои — страстные агенты, которые черпают свое призвание из самих себя и собирают достаточно силы, чтобы формировать мир в соответствии со своими интересами. В конечном счете, эти люди создают значительные изменяющиеся условия, отражающие их личные интересы. Согласно Гегелю, это вдумчивые люди, чьи предприятия подсознательно исходят из абстрактного источника, связанного с требованием их возраста, что, в частности, соответствует личным интересам этого Героя. Как только они усваивают эту характеристику, все дальнейшие цели не направлены ни на что другое. Это один из центральных пунктов аргументации Гегеля, поскольку он содержит как причину, по которой Герои достигают величия, так и уникальное свойство, благодаря которому они добиваются успеха [Гегель, 1997].

Хотя Герои заинтересованы в личной выгоде, они добиваются своего большего успеха благодаря бессознательному импульсу, который Гегель назвал *geist*, или Духом. К сожалению, эта центральная характеристика аргументации Гегеля также довольно неуловима. Можно определить *geist* как Идею или историческую среду, переданную через процесс Природы Духу внутри Героя, который интерпретирует сообщение.

По существу, Дух – это термин, используемый для описания движущей силы исторических событий. Но понять, как эта идея связана с «Преступлением и наказанием», нужно понять соотношение между гегелевскими терминами: Идея, Природа и Дух.

Чэньси Тан, исследователь немецкого романтизма, объяснил эту связь, сформулировав, что процесс «в первую очередь рассматривается как структура мысли» [Богатырева, Масленников, Луговой, 2021]. Эта структура мысли есть Идея, или историческая среда, происходящая из абстрактной силы. Историческая среда, писал Тан, «информирует природу и приводит к осознанию себя через природу». Природа для Гегеля была неизбежным или телеологическим переходом от одной стадии существования к другой.

В историческом контексте конечной целью Природы является развитие Духа, что приводит к цивилизации, законам и современности. Но Природа не развивается естественным путем; оно

проходит через основу Идеи и, в конце концов, «[выходит] на передний план в субъективном сознании» [Захарцев, Масленников, Сальников, 2020].

Это сознание может принимать несколько форм, согласно романтизму, но Гегель особенно утверждал, что Герои реализуют Идею подсознательно через агента внутри себя: Дух. По сути, именно из этого Герои черпают свою основную страсть, которая побуждает их желать и совершать великие дела.

Дух означает эту связь между Героями и волей исторической среды. Используя Дух, Гегель обосновал, как Герои могут совершать чудовищные действия, такие как массовые убийства. В «Преступление и наказание» Раскольникова близко перекликается с этой теорией «Всемирных исторических личностей» [Гегель, 1997].

В «Преступлении и наказании» Раскольников пишет сочинение, в котором описывает положение обычных и необыкновенных людей в мире. Мировой судья Порфирий Петрович — первый персонаж, раскрывающий эту теорию в романе, хотя и снисходительно, заявляя, что «простые люди должны жить в подчинении, не имеют права преступать закон, потому что, видите ли, они обыкновенны. Но экстраординарные люди имеют право совершать любое преступление и любым образом нарушать закон только потому, что они экстраординарны» [Казин, 2020].

Порфирий Петрович тотчас же доводит теорию до крайности, на что Раскольников поправляет его, отвечая, что «необыкновенные люди не всегда обязаны совершать нарушения нравов».

Раскольников утверждает, что необыкновенный человек имеет право совершать определенные преступления, исходя из «своей совести», при осуществлении своей идеи, теории или, как назвал бы ее Гегель, Духа. Он продолжает эту мысль, заявляя: «Ньютон имел бы право, действительно был бы обяза ... уничтожить дюжину или сотню человек ради того, чтобы сделать свои открытия известными всему человечеству». Он продолжает это рассуждение в манере, подобной Гегелю, комментируя, что Ньютон не имел права убивать людей, когда бы и если бы он этого ни захотел, или регулярно воровать; только ради исполнения своего Духа Ньютон имел право. Раскольников еще больше обязывает себя на позицию гегелевского агента тем, что иллюстрирует свой пример с Наполеоном [Кунильский, 2018].

Раскольников отмечает, что неординарные люди могут справедливо совершать некоторые преступные действия. Он начинает с комментария, что все мировые лидеры являются преступниками, потому что они заменяют старые, иногда священные законы своими новыми, а в некоторых случаях даже проливают кровь. Раскольников утверждает, что такие Герои, как Наполеон, «по самой своей природе должны быть преступниками... иначе им трудно выбраться из общей колеи; и оставаться в общей колее — это то, чему они не могут подчиняться... и, по моему мнению, им действительно не следует подчиняться этому». Параллельно с аргументацией Гегеля, Раскольников приводит аргументы в пользу позиции индивидов, которые выходят за рамки обычных моральных действий, основанных на более высоком качестве их действий, к которым Гегель обратился в «Философии истории» [там же].

Гегель рассуждал с позиции доброй воли, согласно которой преступные действия могут быть, а могут и не быть оправданными. Гегель писал, что ничто не может сообщить человеку о том, что правильно, кроме его собственной совести. Ответственность человека заключается в том, чтобы исследовать совесть и определить, что правильно и хорошо. Следовательно, убийство ради убийства, ради личной выгоды или ради садистского удовольствия — неправильные действия, потому что они не предназначены для того, чтобы быть добрыми. Но

убийство с целью облегчения или предотвращения страданий или для спасения невинной жизни может быть хорошим, если совесть считает, что это так.

Стивен Хулгейт в своей книге о Гегеле сформулировал это просто: «Что, в конечном счете, делает меня нравственной личностью, для Гегеля, так это знание того, что я не могу ошибаться, пока буду следовать тому, что моя совесть говорит мне хорошо». Эта позиция позволяет таким Героям, как Наполеон, убивать свободно и открыто. Так как они Герои, то ими движет Дух, и поэтому их поступки оправдываются совестью, которая понимает их как хорошие и неприкосновенные. Именно эта теория послужила прочной базой, из которой был создан персонаж Раскольникова из «Преступления и наказания» [там же]. Однако Раскольников утверждает, что преступление по-прежнему наказуемо независимо от того, какой класс лиц совершил деяние.

Раскольников утверждает, что лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию. Он раскрывает эту позицию во время первоначального разговора о своей теории. Раскольников говорит, что страдают все, кто совершает преступные действия, даже те, кто имеет на это право. Он утверждает, что если они обычные люди, то «они корят себя, потому что они очень совестливы... Они будут возлагать на себя различные публичные акты покаяния с прекрасным и назидательным эффектом». Однако, даже если человек принадлежит к экстраординарному классу, Раскольников уверен в его страдании. Он отмечает, что «боль и страдание всегда неизбежны для большого разума и глубокого сердца. По-настоящему великие люди должны, я думаю, иметь великую печаль на земле» [Лаут, 1996].

В конечном счете, независимо от того, было ли действие справедливым или нет, совершение преступления приведет к страданию. Эта теория очень красноречиво говорит о душевном состоянии самого Раскольникова как на этапах, предшествовавших убийству, так и о его болезни и ярости после акта. Но идея преступника, требующего собственного наказания, не уникальна; Гегель выдвинул тот же аргумент в «Философии права».

Гегель написал очень сильный параллельный аргумент позиции Раскольникова в «Преступлении и наказании». Он утверждал: «Требование Беккаррии, чтобы люди давали свое согласие на наказание, достаточно правильно, но преступник дает свое согласие уже самим своим действием. Характер преступления не менее, чем частная воля преступника, требует, чтобы вред, причиненный преступником должен быть аннулирован» [Гегель, 1959].

Согласно Гегелю, так же как и Раскольникову, в преступном деянии существует неотъемлемое качество, побуждающее виновного искать наказания. Это может быть одной из причин, почему Гегель утверждал, что для Героев неестественно быть счастливыми. Гегель писал, что «[герой] не достигли спокойного наслаждения; вся их жизнь была трудом и хлопотами; вся их природа была не чем иным, как их господствующей страстью». Руководствуясь невидимой силой Духа, люди стремятся обрести свою страсть, даже если она приводит их к чудовищным поступкам. Эта тревога приводит к другому состоянию, которое пережил Раскольников в «Преступлении и наказании» [Сытина, 2019].

Раскольников чувствует себя несчастным и обеспокоенным, поскольку им движет то, что он считает невидимой силой, способной убить ростовщика. В преддверии убийства он чувствует, что желание было сильнее его и как-то естественно. Но состояние было одновременно напряженным и наполняло Раскольникова отчаянием, как бы приближая его гибель. За это время Раскольников претерпевает такие же испытания и негативные жизненные переживания, как и Герои из «Истории философии» Гегеля. Кроме того, сила, которая, по мнению Раскольникова, привела его к совершению преступления, напоминает то чувство Духа, которое,

как утверждал Гегель, побуждало людей действовать.

Наконец, Раскольников признает, что категории, которыми люди делятся на обыкновенных и необыкновенных, довольно условны. Он утверждает, что важной структурой является то, что они основаны на «законах природы», которые либо наделяют человека «даром или талантом произнести новое слово», либо нет. Он заканчивает свое описание упоминанием о том, что Герои могли найти в своей совести санкцию на то, чтобы «пробираться сквозь кровь», если это означало выполнение их миссии. Сочинение Раскольникова — ярчайший гегелевский аргумент из «Преступления и наказания», но он не единственный в тексте [Гегель, 1997].

Ближе к началу «Преступления и наказания» Раскольников подслушивает, как двое джентльменов обсуждают моральные свойства убийства ростовщика, которого позже убивает Раскольников. Студент и офицер обсуждают некоторые характеристики ростовщика, особенно ее отрицательные качества, в том числе то, как холодно она относится к просроченным платежам, проценты, которые она берет, и жестокое обращение с ее сестрой. Без провокации студент упоминает, что он мог бы убить ростовщицу и сбежать с ее деньгами «без малейших угрызений совести». Офицер смеется, но студент продолжает, описывая ростовщицу как старую злобную женщину, которая в основном разбрасывается деньгами вместо того, чтобы помогать бедным и больным. Когда студент становится более возбужденным, офицер прерывает его, спрашивая, может ли студент действительно убить ростовщика. Ученик поправляет себя, отвечая, что он спорил, был ли этот поступок справедливым, но что он не мог убить ее. ³⁵Этим утверждением он освещает ту грань гегелевской философии, которая исследует ценность обычно аморальных действий, таких как убийство, для моральных намерений, используя руководство совести. Совесть студента сигнализирует о том, что это был несправедливый поступок, поэтому он ответил, что не будет совершать убийства. Этот разговор также намекает на более поздние этические проблемы Раскольникова после убийства. Из этих примеров достаточно ясны параллели между Гегелем и Достоевским. Но некоторые ученые утверждали, что между двумя авторами нельзя провести четкой связи [Богатырева, Масленников, Луговой, 2021].

Малкольм Джонс кратко резюмировал многочисленные возражения критиков, когда написал статью «Некоторые отголоски Гегеля в Достоевском», в которой утверждается, что гегелевская философия не появляется в произведениях Достоевского. Он считал, что многие современники Достоевского до заключения автора в тюрьму были очарованы гегелевской этикой, но нет никаких письменных свидетельств того, что Достоевский когда-либо читал Гегеля в 1840-х годах.

Кроме того, Джонс утверждал, что, хотя Достоевский запросил «Историю философии» Гегеля во время своего пребывания в Омске, нет никаких исторических свидетельств того, что Достоевский читал эту книгу. Более того, Джонс утверждал, что многие из этих примеров в «Преступлении и наказании» цитируемые как гегелевские идеи, были достаточно разными, чтобы не обосновать это утверждение [Сычева, Серебряков, 2020].

Более глубокое прочтение «Истории философии» Гегеля и «Преступления и наказания» Достоевского показывает, что утверждения Джонса не только не опровергают эту связь, но и фактически поддерживают аргументы его оппонентов. Джонс указывает на три конкретных различия между двумя текстами, в том числе на роль и идеи Героев. Во-первых, Джонс утверждает, что мировые исторические фигуры Гегеля достигают и собирают лучшие дела и слова своего времени, подразумевая при этом, что идеи исходят не от Героя. Напротив, Раскольников специально утверждает, что необыкновенный человек несет новую идею [там же].

Однако после своего первоначального введения Героев Гегель продолжил описание, написав, что «они черпают импульс жизни из самих себя... [Всемирные исторические деятели] знают этот зарождающийся принцип». Гегель ясно заявил, что Герои берут идеи от самих себя. Если это зарождающийся принцип, то это принцип, возникший от Героя, а не просто лучшие собранные взгляды времени Героя.

Вторая критика Джонса сравнивает точку зрения Раскольникова Достоевского и гегелевскую идею. Джонс утверждает, что «Раскольников не видит себя ... как участие в развертывании Идеи». Однако позиция Джонса на самом деле подрывает его собственный аргумент. По Гегелю, Герои не осознают своего положения. Они действуют согласно своим собственным импульсам и побуждению Духа, но не зная своего общего исторического положения. Раскольников в «Преступлении и наказании» не использует аргумент Гегеля, а Достоевский; Раскольников — агент, через которого Достоевский изображает гегелевскую идею. Поэтому, если Раскольников не видит себя участником Идеи, то он изображается как еще более сильная гегелевская фигура, построенная Достоевским [Сычева, Серебряков, 2020].

Джонс утверждает, что Раскольников в конечном итоге не становится Героем и что эпилог «Преступления и наказания» не изображает Раскольникова в рамках гегелевской философии. Это утверждение совершенно верно, но поднятые вопросы занимают центральное место во всей аргументации Достоевского. Джонс писал, что «история Раскольникова – это не история сверхчеловека, всемирно-исторической личности». Раскольников был человеком, который пытался стать сверхчеловеком и не смог ни достичь, ни, возможно, даже полностью определить свои цели. Но Достоевский не соглашался с гегелевской этикой; он разработал Раскольникова как изображение неудачной гегелевской идеи – и быстро, учитывая, что преступление Раскольникова и самонаказание происходят примерно в течение двух недель.

Исследователь Достоевского Филип Рахв писал, что, изобретая Раскольникова, Достоевский преобразовал гегелевскую теорию «людей как субъектов и объектов истории» в «теорию человеческой природы». Тем самым Достоевский умышленно выдумал пародию на гегелевских «Всемирно-исторических личностей», которые в краткие просветленные моменты издеваются даже над собой за ту самую теорию, которую Достоевский извлек из «Философии истории» [Сытина, 2019].

Хотя Раскольников разыгрывает свое и, следовательно, гегелевское изображение Героя, Раскольников терпит неудачу, потому что, по словам Достоевского, в конечном итоге теория была ошибочной. В эпилоге после неудачи Раскольникова он обретает безмятежность исключительно через принятие христианства и признание своего преступления через страдания в Сибири за искупление. Достоевский специально сконструировал Раскольникова, чтобы проиллюстрировать, как он воспринимал гегельянство, работающее за пределами абстрактной области, в которой Гегель построил свою теорию. Раскольников терпит неудачу в изображаемой обстановке Санкт-Петербурга, потому что, по мнению Достоевского, гегельянство потерпело бы неудачу в применении к реальному миру. После того как внутреннее смятение Раскольникова ломает его, нравственно-религиозный кодекс Достоевского восстанавливает его. Эта реставрация означает завершение Достоевского» [Усачев, 2019].

Наконец, Малкольм Джонс считал, что нет достаточных контекстуальных свидетельств, чтобы предположить, что на «Преступление и наказание» преимущественно повлиял Гегель, в отличие от более общей популярной философии, существовавшей в то время. Однако другие специалисты доказали, что философия Гегеля была уникальным видением. Раскольников не был агентом общего романтизма; он был в значительной степени уникальной гегелевской

конструкцией, и есть несколько примечательных способов, которыми Гегель отделился от современных мыслителей. Чэньси Тан писал, что Гегель вышел за рамки «романтического спинозизма, который объясняет природу и дух с точки зрения монистической метафизики. Он не дает натуралистического описания духа в том смысле, что дух возникает в результате развития природы» [там же].

В отличие от других романтиков, Гегель утверждал, что Природа не может напрямую общаться с человеческой сферой; социальное общение через Дух было единственным способом, которым Природа могла общаться с людьми. Более того, Гегель утверждал, что «географические условия обитания того или иного народа помогают определить роль, которую он играет в мировой истории» [Гегель, 1997].

В то время популярный романтизм не связывал силы природы и отдельные идеи так, как Гегель, особенно через его теорию «Всемирно-исторических индивидуумов». Именно эти различия между Гегелем и романтизмом помогают определить позицию и философию Раскольникова в «Преступлении и наказании», потому что они иллюстрируют, что романтизм вообще не вдохновлял Достоевского на создание Раскольникова. Раскольников был исключительно гегелевской концепцией.

Используя «Преступление и наказание», чтобы проиллюстрировать потенциально вредное влияние левогегелевской этики, Федор Достоевский стремился предостеречь радикалов от прогрессивных идей, которые могут закончиться катастрофой. Хотя Достоевский лично испытал на себе негативные последствия революционной социалистической мысли, он не пытался очернить левогегелевскую личность, чтобы совершить некую месть гегелевским группам. Достоевский считал необходимым информировать любопытствующую публику о возможных опасностях ее изысканий, чтобы помочь ей. В «Чудесных годах» Йозеф Франк четко определил амбиции Достоевского: «В «Преступлении и наказании» [Достоевский] доводит спорадические расспросы до таких обедневших представителей образованной молодежи, отчаянно борющихся за то, чтобы удержаться над водой среди имперского величия Петербурга, и поднимает их до уровня трагического противостояния между человеческими стремление изменить мир к лучшему и вековые нравственные императивы христианской веры» [Богатырева, Масленников, Луговой, 2021].

Достоевский почувствовал большую потребность русской молодежи в критическом анализе своих либеральных действий и идей и написал «Преступление и наказание» в основном как инструмент для продолжения его консервативной кампании по усмирению их прогрессивных взглядов. Чтобы поддержать свои идеи, Достоевский использовал гегелевскую философию, чтобы создать персонажа, который терпит неудачу так, как Достоевский опасался, что русские радикалы могут потерпеть неудачу. Кроме того, Раскольников иллюстрирует боязнь Достоевского перед народом, чьи амбиции не уравнивались нравственной основой христианства. Раскольников – агент левого гегельянства Достоевского, созданный, чтобы показать, как человек с сильными моральными целями может принимать неправильные решения без правильной этической структуры.

Заключение

Таким образом, подводя итоги нашего теоретического исследования, мы можем сказать, что Достоевский использовал философию Георга Гегеля в своих произведениях по историческим и контекстуальным причинам, что было ясным решением из-за истории Достоевского и ясно установлено в контексте «Преступления и наказания».

Библиография

1. Богатырева Л.В., Масленников Д.В., Луговой А.А. Гегель и Достоевский. о проблеме субъективности в философии абсолютного идеализма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. № 1. С. 103-119.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч. 1. Объективная логика. Ч. 2. Субъективная логика. СПб.: Наука, 1997. URL: <https://www.marxists.org/russkij/hegel/nauka-logiki.pdf>
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 1959. 444 с.
4. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 4-7.
5. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права. СПб.: Фонд Университет, 2017. 352 с.
6. Казин А.Л. Достоевский как философ: русский взгляд // Ученые записки НовГУ. 2020. № 3 (28). С. 6.
7. Кунильский А.Е. Тема жизни в русской литературе второй половины XIX века // Вестник КГУ. 2018. № 2. С. 116-121.
8. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996. 447 с.
9. Сычева Е.О., Серебряков А.А. Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Нефилология. 2020. № 23. С. 530-540.
10. Сычева Е.О., Серебряков А.А. Художественное своеобразие эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. С. 195-205.
11. Сытина Ю.Н. О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. № 2. С. 287-299.
12. Усачев А.В. Литературная форма философствования // Культура и искусство. 2019. № 9. С. 53-58.

Hegel in the works of Dostoevsky (on the example of the work “Crime and Punishment”)

Irina V. Khvoshchevskaya

Director,
Advanced Professional Training Center,
173008, 161, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya str.,
Veliky Novgorod, Russian Federation;
e-mail: copp53@mail.ru

Abstract

In this article, the author analyzes the works of F.M. Dostoevsky, from the position of Hegel's philosophy, focusing on the problems that are still relevant in modern society. Of particular importance is the fact that the author shows the importance of patriotic education in modern society, precisely through the work of F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment”. The theoretical study is directed to the consideration of the problem raised by Hegel and actively discussed to this day, these are the differences between Heroes and worldly people. The obtained results of the theoretical study allow us to conclude that Dostoevsky used Hegelian philosophy to create a character who fails, as Dostoevsky feared that Russian radicals might fail. In addition, the author shows that Raskolnikov's character illustrates Dostoevsky's fear of a people whose ambitions were not balanced by the moral foundation of Christianity, presenting Raskolnikov as an agent of left-wing Hegelianism, created to show how a person with strong moral goals can make wrong decisions without the right ethical structure. The author of the paper makes the fundamental conclusion that Dostoevsky used the philosophy of Georg Hegel for historical and contextual reasons, which was a clear decision due to Dostoevsky's story and clearly established in the context of this work.

For citation

Khvoshchevskaya I.V. (2022) Gegel' v proizvedeniyakh Dostoevskogo (na primere proizvedeniya «Prestuplenie i nakazanie») [Hegel in the works of Dostoevsky (on the example of the work “Crime and Punishment”)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (3A), pp. 186-194. DOI: 10.34670/AR.2022.94.30.025

Keywords

Philosophy, Hegel's philosophy, morality, ethics, society

References

1. Bogatyreva L.V., Maslennikov D.V., Lugovoi A.A. (2021) Gegel' i Dostoevskii. o probleme sub"ektivnosti v filosofii absolyutnogo idealizma [Hegel and Dostoevsky. on the problem of subjectivity in the philosophy of absolute idealism]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 1, pp. 103-119.
2. Hegel G.W.F. (1959) *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit]. Moscow.
3. Hegel G.W.F. (1997) *Nauka logiki. Ch. 1. Ob"ektivnaya logika. Ch. 2. Sub"ektivnaya logika* [Science of logic. Part 1. Objective logic. Part 2. Subjective logic]. St. Petersburg: Nauka Publ. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/hegel/nauka-logiki.pdf> [Accessed 06/06/2022]
4. Ismagilov R.F. (2017) *Filosofskoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego vliyanie na razvitie filosofii prava* [Philosophical legacy of F. M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law]. St. Petersburg: Fond Universitet Publ.
5. Kazin A.L. (2020) Dostoevskii kak filosof: russkii vzglyad [Dostoevsky as a Philosopher: Russian View]. *Uchenye zapiski NovGU* [Scientific notes of Novgorod State University], 3 (28), p. 6.
6. Kunil'skii A.E. (2018) Tema zhizni v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka [The theme of life in Russian literature of the second half of the XIX century]. *Vestnik KGU* [KSU Herald], 2, pp. 116-121.
7. Laut R. (1996) *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoi izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Moscow: Respublika Publ.
8. Sycheva E.O., Serebryakov A.A. (2020) Khudozhestvennoe svoeobrazie esteticheskogo ideala v «Dnevnikе pisatelya» F.M. Dostoevskogo [The artistic originality of the aesthetic ideal in the “Diary of a Writer” by F.M. Dostoevsky]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2, pp. 195-205.
9. Sycheva E.O., Serebryakov A.A. (2020) Realizatsiya esteticheskogo ideala v «Dnevnikе pisatelya» F.M. Dostoevskogo [Realization of the aesthetic ideal in F.M. Dostoevsky]. *Neofilologiya* [Neophilology], 23, pp. 530-540.
10. Sytina Yu.N. (2019) O nekotorykh osobennostyakh «arifmetiki» Dostoevskogo [On some features of Dostoevsky's “arithmetic”]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2, pp. 287-299.
11. Usachev A.V. (2019) Literaturnaya forma filosofstvovaniya [Literary form of philosophizing]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and art], 9, pp. 53-58.
12. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. (2020) Svoboda kak konkretnost' idei absolyutnogo dobra v filosofii prava Dostoevskogo [Freedom as a Concreteness of the Idea of Absolute Good in Dostoevsky's Philosophy of Law]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Law enforcement monitoring], 1 (34), pp. 4-7.